

ИНТЕНЦИИ РЕПЛИЦИРОВАНИЯ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ В ДИАЛОГЕ

Шпильная Н. Н.

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Аннотация. В статье решается вопрос о специфике реплицирования – генезисе ответной реплики в диалоге. Обращение к данному вопросу обусловлено противоречием между представлением диалога как мены реплик и осознанием того, что мена реплик – это не более чем констатация эмпирической реальности.

В исследовании развиваются идеи Л. П. Якубинского, М. М. Бахтина и автора статьи о диалогическом высказывании как результате реализации диалогической языковой способности; об ответном характере речемыслительной деятельности носителя языка; о новизне факта высказывания как факторе, запускающем механизм текстообразования.

Цель статьи – обоснование положения, согласно которому реплицирование – это самостоятельный речемыслительный процесс, детерминируемый соответствующими интенциями. Обоснование осуществляется на основе понимания того, что появление второй реплики в диалоге – это относительное явление, зависящее от речемыслительного решения носителя языка (адресата). В статье представлена модель порождения диалогического высказывания (ответной реплики), включающая мотивационно-прагматический этап, этап реплицирования, этап внутреннего программирования и лексико-грамматический этап. Реплицирование рассматривается в статье в широком и узком смысле. В широком смысле реплицирование – это речемыслительная деятельность, направленная на производство ответной реплики. В узком смысле реплицирование – это этап модели порождения диалогического высказывания, связанный с квантованием инициальной реплики.

В работе выделены следующие интенции адресата: ответить, комментировать, поделиться, присоединение к разговору и молчание. Данные интенции реализуются адресатом стихийно, интуитивно, но могут быть реализованы осознанно как проявление метаязыкового мышления. Интенции реплицирования иллюстрируются на материале устных диалогов и диалогов, реализуемых в социальных сетях.

В исследовании делается вывод, согласно которому понятие «интенция реплицирования» шире понятия «речевой акт». Высказывается предположение, согласно которому речевые акты актуализируют различные интенции реплицирования.

Основной метод исследования – аналитико-описательный метод.

Полученные результаты вносят вклад в лингвистику реплицирования и теорию речевой деятельности.

Ключевые слова: реплицирование; ответные реплики; устная речь; диалоги; диалоговая речь; речевая деятельность; интенции реплицирования

Благодарности: работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – докторов наук МД-3824.2021.2.

Для цитирования: Шпильная, Н. Н. Интенции реплицирования, реализуемые в диалоге / Н. Н. Шпильная. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Том 27, № 2. – С. 68–76.

RESPONSE GENERATION INTENTIONS REALIZED IN DIALOGUE

Nadezhda N. Spilnaya

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Abstract. The article addresses the issue of the specificity of the process of response generation in dialogue – the genesis of a response utterance. The turn to this issue can be attributed to the contradiction between the idea of dialogue as an exchange of utterances and to the assumption that the exchange of utterances is not much more than a statement of the empirical reality.

The research develops the ideas of L. P. Yakubinsky, M. M. Bakhtin and the author of the article under study on the dialogic utterance as a result of the realization of dialogic linguistic competence; on the response nature of

the verbal communicative activity of the language speaker; on the novelty of the interpretation of the utterance as a factor that triggers the mechanism of text production.

The purpose of the article is to substantiate the assumption according to which response generation is perceived as an independent verbal and cogitative process, determined by the corresponding intentions. The substantiation is effected on the basis of idea that the emergence of the second (response) utterance in dialogue is a relative phenomenon that depends on the verbal and cogitative decision of the language speaker (an addressee). The article presents a model of the dialogic utterance (response utterance) production, including motivational-pragmatic stage, response generation stage, internal programming stage, and lexico-grammatical stage. Response generation is interpreted in the article in two ways. In the broadest sense, it is treated as verbal and cogitative activity aimed at producing a response. In the narrow sense, it is defined as a stage in the model of generating dialogic utterance associated with the initial response utterance quantization.

The article highlights the following intentions of the addressee: the intention to respond and to comment, the intention to share, the intention to join the conversation and the intention to keep silence. These intentions are realized by the addressee spontaneously, intuitively, but can also be actuated consciously as a manifestation of metalinguistic thinking. The response generation intentions are illustrated on the material of oral dialogues and dialogues carried out in social networks.

The study concludes that the concept of “response generation intention” ranges wider than the concept of the “speech act”. The author argues that speech acts actualize various response generation intentions.

The main research method is analytical-descriptive.

The results obtained contribute to the general theory of speech and the linguistic issue of dialogic utterance generation.

Key words: response generation; response utterances; oral speech; dialogues; dialogic speech; speech; response generation intentions.

Acknowledgments: this study has been carried out with financial support of the Presidential grant for young scholars – doctors of sciences МД-3824.2021.2.

For citation: Spilnaya, N. N. (2022). Response Generation Intentions Realized in Dialogue. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 2, pp. 68–76.

Постановка проблемы. Данная статья выполнена в русле диалогической лингвистики, в частности в рамках ее самостоятельного раздела – лингвистики реплицирования [Шпильная 2021]. Центральным вопросом лингвистики реплицирования является вопрос о генезисе ответной реплики в диалоге. Обращение к данному вопросу обусловлено противоречием между представлением диалога как мены реплик и осознанием того, что мена реплик – это не более чем констатация эмпирической реальности. Поясним сказанное.

Представление диалога как мены реплик восходит, по всей вероятности, к Л. В. Щербе и находит отражение в современных работах, посвященных изучению диалога. Это проявляется в том, что в современных работах в области изучения диалога признается асимметричность диалогической ситуации, обнаруживаемая в мена ролей участников коммуникативной ситуации, осуществляющих акты текстообразования – смену речевых ходов [Арутюнова 1992; Баранов, Иванова 1999; Борисова 2007; Гастева 1993; Колокольцева 2001 и др.]. Доказательством сказанного является

и тот факт, что «частота мены коммуникативных ролей кладется в основу разграничения монологической и диалогической форм речи: нулевая частота мены говорящих – монолог, ненулевая <...> – диалог» [Борисова 2007: 182]. При этом диалогический текст предстает как обмен монологическими репликами по типу «Я сказал – Он сказал» и т. п.

Безусловно, мена реплик – это визуальный признак диалога как естественной формы речи. Однако следует признать, что мена реплик в диалоге – не более чем констатация эмпирической реальности. В действительности же ситуация диалога – это ситуации ответа. М. М. Бахтин заключает, что «всякая коммуникация на что-то отвечает и на какой-то ответ рассчитывает (хотя бы на ответное понимание). Коммуникация отражает не только факт действительности, составляющей ее содержание, но и предшествующие высказывания о том же факте или о чем-то, имеющем к нему отношение (то, что заставило обратиться к данному факту). Эти предшествующие высказывания и предполагаемый ответ не могут не найти своего отражения в высказывании» [Бахтин

1997: 255]. Гипотеза М. М. Бахтина коррелирует с предположением Л. П. Якубинского о диалогической языковой способности носителя языка, определяющей «тематизм ответа» в диалогической коммуникации [Якубинский 1986]. Это означает, что, вступая в коммуникацию, носитель языка реализует функциональную позицию отвечающего, как следствие, диалогическое высказывание можно условно описать в виде высказывания «Я отвечаю». М. М. Бахтин отмечает, что «всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, нарушивший вечное молчание Вселенной» [Бахтин 1997: 247]. Теоретико-методологическое обоснование идея М. М. Бахтина получила в наших исследованиях [Шпильная 2018], в которых доказывается, что диалогическое высказывание – это единичное ответное высказывание.

Ответный характер диалогической ситуации и, как следствие, диалогического высказывания актуализирует потребность в решении вопроса о генезисе ответной реплики в диалоге, или специфике реплицирования. Проблема генезиса ответной реплики в диалоге ставится в работах представителей конверсационного анализа. Они полагают, что ответная реплика появляется как результат вписанности диалога в культурный контекст, регламентируемый конвенциями речевого этикета; как следствие, формулируется тезис, согласно которому вторая реплика появляется после паузы адресанта, которая служит сигналом завершения инициальной реплики и в то же время сигналом для ответа адресата. Очевидность данных наблюдений не вызывает сомнений, однако возникает вопрос: всегда ли адресат отвечает на инициальную реплику? Сложно усомниться в истинности тезиса, что адресат не всегда отвечает на инициальную реплику. Очевидно, например, что в конфликтных диалогах реплика может «повиснуть в воздухе». Аналогичное явление можно наблюдать и в бытовых диалогах, осуществляемых не только в устной, но и в письменной речи (в том числе интернет-речи).

В отечественной диалогической лингвистике доминирует прагматическая теория реплицирования, восходящая, по всей видимости, к бихевиористским воззрениям на язык и речевое поведение носителей языка, подробно

описанным американскими дескриптивистами. В отечественной лингвистике прагматическая теория реплицирования последовательно представлена в работе А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина [1993]. В статье ученых генезис второй реплики в диалоге рассматривается как реактивный процесс – процесс иллокутивного вынуждения [Баранов, Крейдлин 1993]. На фоне такой гипотезы оправданными являются описания прагматических связей реплик в диалоге, см., например, [Падучева 1981]. Как следствие, утверждается, что на вопрос мы получаем ответ; на требование – согласие или отказ и пр. Ср. с высказыванием Е. В. Падучевой: «Можно считать, что естественной реакцией на утверждение является возражение / подтверждение, развитие идеи; на вопрос – ответ (своей структуры для каждого типа вопроса); на побуждение – согласие / отказ (кроме того, на любой тип р. а. <речевого акта> естественной реакцией будет уточняющий вопрос)» [Падучева 1981: 21].

При этом, как видим, интенции адресата рассматриваются как его прагматические установки. Несмотря на очевидность «такого положения дел», мы полагаем, что оно является ошибочным. По крайней мере, такая постановка вопроса требует существенного уточнения, которое мы видим в том, что, во-первых, процесс иллокутивного вынуждения имеет место лишь в одном типе диалогического взаимодействия – в ситуации, когда адресат поставлен в позицию «ответить», предполагающую реализацию намерения (интенции) «надо ответить», а во-вторых, на те же самые иллокутивные «вынуждения» адресат способен отреагировать комментарием или молчанием.

К примеру:

– Ты обедала сегодня?

– Странные вы вопросы задаете какие-то.

В приведенном примере вторая реплика – это реализация позиции «комментирование», а не реализация интенции «ответить». При этом заметим, что подобные диалогические единства, как правило, не рассматриваются сторонниками прагматической теории (гипотезы) реплицирования, которые стремятся к описанию «чистых» типов прагматического взаимодействия.

Как видим, прагматическая теория реплицирования не способна объяснить все вариан-

ты диалогического взаимодействия. И самое главное – она не объясняет, как квалифицировать молчание. Можно ли его квалифицировать как иллокутивное вынуждение? Вряд ли, потому что, как правило, молчание – это проявление намеренного решения носителя языка не продолжать коммуникацию (разговор).

Соглашаясь с Л. П. Якубинским, согласно которому речевое раздражение вызывает речевую реакцию, мы тем не менее в эмпирической реальности наблюдаем, что не все носители языка вербально отвечают на новостные сообщения, посты в социальных сетях, реплики в устной беседе и пр. С нашей точки зрения, это означает, что факт молчания адресата значим не столько как коммуникативный (семиотический) феномен, сколько как явление, позволяющее говорить о том, что появление ответной реплики в диалоге есть реализация интенции реплицирования адресатом. Признание речемыслительного решения о вступлении в диалог как промежуточного звена, опосредующего мену реплик в диалоге, предполагает, что мена реплик в диалоге объясняется актуализацией различных интенций адресата.

Общая задача настоящей статьи заключается в обосновании тезиса, согласно которому генезис второй реплики в диалоге (реплицирование) – это самостоятельный речемыслительный процесс, детерминированный различными интенциями. Интенции реплицирования – это интенции, которые реализует в диалоге адресат (отвечающий).

Реплицирование как речемыслительный процесс. Предваряя дальнейшее изложение, мы хотели бы остановиться на характеристике реплицирования как речемыслительного процесса. Специфика речемыслительного процесса, отмечаемая еще Л. С. Выготским как процесс превращения мысли в слово, в более полном виде находит отражение в понимании этого процесса, предложенном С. Д. Кацнельсоном, который рассматривал речемыслительную деятельность как «процесс порождения речи <...>, осуществляемый механизмами речевого мышления» [Кацнельсон 1972: 115]. Более точное понимание речемыслительной деятельности содержится в работах психолингвистов,

в которых предлагается поуровневая модель порождения сообщения [Ахутина 1989; Зимняя 2001 и др.]. Однако в указанных работах предлагается модель порождения монологического сообщения, что позволяет поставить вопрос о специфике порождения ответной реплики в диалоге. Иными словами, существующие модели порождения высказывания имитируют деятельность адресанта (говорящего), такие модели могут условно быть описаны формулой «Смысл – Текст», где компонент «смысл» коррелирует с вопросом *Что сказать?*

В опубликованных ранее работах мы обосновали, что фактором, запускающим механизм текстообразования, является не новизна содержания, а новизна факта высказывания, соотносимая с диалогической позицией носителя языка. Имеется в виду, что носитель языка вступает в коммуникацию, «отвечая» на вопрос *Что сказано и что я могу по этому поводу сказать (зачем мне вступить в коммуникацию)?* В таком случае новизна содержания вторична по отношению к новизне факта высказывания и определяется суппозицией «сказано» [Шпильная 2018]. Развивая эти идеи, мы полагаем, что модель порождения высказывания включает интенции ответа и квантование инициальной реплики как условие суппозиционной связи лексемы и высказывания.

Опираясь на модели порождения высказывания, предложенные А. А. Леонтьевым, Т. В. Ахутиной, И. А. Зимней [Ахутина 1989; Зимняя 2001], мы представили модель порождения диалогического высказывания (реплицирования) как совокупность следующих этапов:

1) мотивационно-прагматический этап, на котором формируется коммуникативная интенция реплицирования;

2) этап реплицирования, на котором осуществляются квантование инициальной реплики и актуализация словоформы как суппозиции для разворачивания второй реплики в диалоге¹;

3) этап внутреннего программирования, на котором осуществляется структурирование внешней и внутренней формы второй реплики;

4) лексико-грамматический этап, предполагающий языковое оформление мысли;

¹ Мы полагаем, что в более сильном варианте первые два этапа осуществляются не столько последовательно, сколько параллельно.

5) артикуляционный или графический этап, на котором осуществляется произношение высказывания (если речь идет об устной речи) или его графическая актуализация (если речь идет о письменной форме речи).

Подчеркнем, что реплицирование мы рассматриваем и в широком, и в узком смысле. В широком смысле реплицирование – это речемыслительная деятельность по производству ответной реплики в диалоге. А в узком смысле – это самостоятельный этап порождения диалогического высказывания, соотнесенный с определенными интенциями адресата. В рамках данной статьи нас интересует широкое понимание реплицирования как речемыслительной деятельности, актуализируемой в ситуации порождения ответной реплики в диалоге.

Варианты интенций реплицирования.

В данной части статьи мы опишем интенции реплицирования, которые являются реализацией речемыслительной деятельности адресата (ответающего) как самостоятельного процесса, относительно независимого от инициальных реплик адресанта. Интенции реплицирования иллюстрируются на материале устных и интернет-диалогов.

1. Одной из интенций реплицирования можно считать интенцию **ответа**. Условием актуализации данной интенции являются две ситуации.

Первая ситуация – это ситуация, при которой инициальная реплика адресована конкретному человеку, причем последний понимает, что именно он адресат сообщения.

Например:

- *А ты как хотела? Заранее купить билеты?*
- *Да, я думаю, вдруг завтра билетов уже не будет, выходной все-таки.*

Или:

- *А мы завтра в кино пойдем.*
- *В какое?*

Вторая ситуация – это ситуация, когда носитель языка принимает речемыслительное решение ответить, даже если инициальная реплика адресована не ему конкретно. Такие ситуации возможны, когда инициальное сообщение может быть воспринято сразу несколькими носителями языка. Такие ситуации часто встречаются в социальных сетях, в ситуациях устного общения, в котором участвуют несколько носителей языка.

Например:

- *Итак, как называется часть речи, которая отвечает на вопросы кто? что?*
- *Имя существительное.*

В диалоге первая реплика принадлежит учителю, а вторая реплика – одному из учеников, причем мы видим, что учитель не адресует вопрос конкретному ученику, но отвечает тот, который принял речемыслительное решение ответить.

2. В качестве интенции реплицирования может быть выделена интенция **комментирования**. Эта интенция реализуется в ситуациях, когда носитель языка осознает необходимость высказаться, то есть выразить мнение. Ситуаций, в которых возникает потребность выразить мнение, не так уж и мало. В социальных сетях (Инстаграм, Фейсбук, ВКонтакте) и на социально ориентированных порталах (новостные порталы и пр.) эта ситуация фиксируется техническим способом с помощью опции «Комментировать» (что не означает, что любое высказывание в этом случае реализует интенцию комментирования). При просмотре фильма, новостных передач, ток-шоу и т. п. носители языка зачастую с разной степенью произвольности комментируют увиденное или услышанное. При этом комментирование обычно сопровождается оценочной реакцией: *хорошо, плохо, необдуманно, правильно, мне все равно и пр.*, реализацией модусных значений *согласен / не согласен / нейтральное модусное значение*.

Например, к сообщению о том, что губернатор Новосибирской области запретил торговлю в новосибирском метро из-за угрозы терроризма, на новостном портале был оставлен следующий комментарий:

Alex2D

Закрывают очередное коррупционное опасное направление. В общем, идея правильная.

Как видим, ответная реплика – это реализация интенции комментирования: носитель языка выражает мнение о решении губернатора, актуализируя модусное значение согласия и оценочную реакцию, связанную с осознанием правильности данного решения.

3. Еще одной интенцией реплицирования является интенция **поделиться**. Эта интенция реализуется в ситуациях, когда носитель языка в процессе коммуникации делится информацией, полученной от другого носителя

языка. Особенно показательны в этом плане социальные сети и мессенджеры, имеющие соответствующую опцию, которая коррелирует с данной интенцией. В устной речи интенция поделиться реализуется в ситуациях передачи чужой речи, типа: *А мне Маша вчера говорила, что ты не придешь. Или: А я вчера слышала в новостях, что третьей волны не будет.*

В социальных сетях и мессенджерах носители языка зачастую делятся информацией, которая вызвала у них какой-либо эмоциональный отклик (см. рис.).

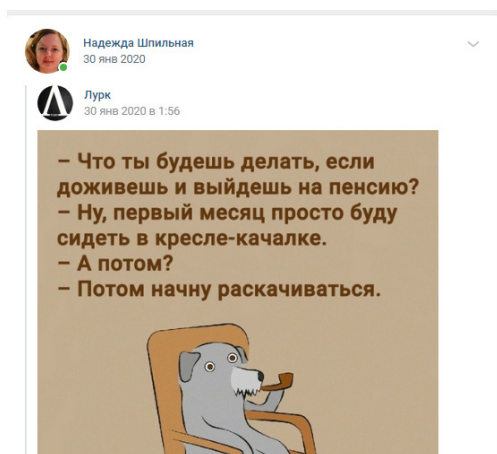

Рис. Интенция *поделиться* и ее реализация в сети Интернет

Как видим, носитель языка разместил на своей странице в социальной сети высказывание, которое ему понравилось. При этом реализована интенция поделиться, так как носитель языка, репостнув запись из интернет-сообщества, решил поделиться понравившимся сообщением со своими подписчиками (сетевыми друзьями).

4. Наряду с указанными интенциями мы выделяем еще одну интенцию реплицирования – «**присоединение к разговору / поддержание разговора**». Эта интенция реализуется чаще всего в фатическом общении, когда носитель языка чувствует необходимость поддерживать общий разговор.

Например:

– *А я вчера смотрела передачу, там про моллюсков рассказывали.*

– *А я вчера к парам весь вечер готовилась...*

Вторая реплика появляется как результат реализации интенции присоединения к раз-

говору, реализующей общий тематический фрейм разговора.

Интенция присоединения к разговору может быть реализована и в интернет-коммуникации. Например: в социальной сети ВКонтакте в сообществе «Лурк» опубликован пост следующего содержания (<https://vk.com/thelurk>):

Излагать истину некоторым людям – это все равно, что направить луч света в свиное гнездо. Свет только попортит совам глаза, и они поднимут крик. Если бы люди были невежественны только потому, что ничему не учились, то их, пожалуй, еще можно было бы просветить; но нет, в их ослеплении есть система... Можно образумить человека, который заблуждается невольно, но с какой стороны атаковать того, кто стоит на страже против здравого смысла? Дени Дидро

К этому посту был оставлен такой комментарий: *Я их всегда морально уничтожал, становясь для них врагом номер 1 до конца их дней, потому что как есть люди светлой стороны, так же есть люди темной, и наша одна из целей в жизни не склониться в их сторону и не дать им нас победить и сломать добрую волю.*

Как видим, вторая реплика является результатом реализации интенции присоединения к разговору: носитель языка поддерживает разговор, актуализируя общую тему разговора.

Поддержание разговора может быть связано не только с реализацией фатического речевого поведения, но и с реализацией информативного речевого поведения, предполагающего запрос информации.

– *Я вчера такой фильм классный смотрела.*

– *Как называется?*

Задавая вопрос, носитель языка реализует интенцию поддержания разговора, которая провоцирует актуализацию информативного речевого поведения, связанного с запросом информации.

5. В качестве интенции реплицирования может быть выделена интенция **молчания**. Молчание рассматривается нами как нулевая реплика, не имеющая речевого плана выражения, но имеющая означаемое, которое не вербализуется в силу речемыслительного решения адресата, который по каким-то внутренним или внешним причинам не актуализирует возникающие мысли. Это может быть связано с воспитанием человека, его социальным ста-

тусом, эмоциональным или физическим состоянием и пр.

Интенции реплицирования как проявление языкового чувства и метаязыкового мышления. Мы полагаем, что интенции реплицирования можно рассматривать как проявление языкового чувства. В лингвистике известны работы, в которых утверждается, что носителям языка присуще чувство языка, или языковая интуиция. Эта идея уже воспринимается как аксиома, которая становится основой для проведения орфографических, пунктуационных, стилистико-текстовых исследований. Чувство языка рассматривается как компонент языковой способности, определяющий неосознаваемое владение языком, осуществляемое зачастую на стихийной основе.

Интенции реплицирования в таком случае являются неосознаваемыми и реализуются зачастую стихийно. Но это вовсе не означает, что интенции реплицирования не могут быть выведены в «светлое поле сознания». Так, например, получая письмо по почте, мы зачастую держим в голове мысль, что на него «надо ответить». Получая то или иное сообщение по WhatsApp, мы осознаем, что им можно поделиться с другим человеком, которому оно может быть интересно. Застенчивые люди часто в ситуациях коллективного общения чувствуют необходимость вступить в диалог, но в силу своих психологических особенностей испытывают затруднения. В некоторых ситуациях носители языка принимают осознанное решение не отвечать на сообщение, тем самым актуализируя нулевую [значимую] реплику, которая воспринимается адресатом как семантически адекватное сообщение, которое он способен дешифровать. Интенция комментировать также может быть реализована как осознанное речемыслительное решение носителя языка, что, например, мы можем наблюдать в социальных сетях, когда носители языка оставляют те или иные комментарии на посты знакомых или незнакомых людей.

Вопрос о квалификации интенции реплицирования как осознанной или неосознаваемой актуализации речемыслительной деятельности для речевой практики, наверное, не столь принципиален, однако для лингвистов он может представлять гносеологический интерес при решении междисциплинарных проблем,

например проблем, возникающих на стыке языка и права.

Интенции реплицирования и речевые акты. Дальнейшие наши рассуждения связаны с мыслью о необходимости дифференциации интенций и речевых актов. Теория речевых актов, сформулированная Дж. Серлем, как известно, является версией целевой модели языка [Якобсон 1964]. При этом как некая очевидность постулируется идея о том, что коммуникативная интенция – это аналог иллокутивной составляющей речевого акта, удовлетворяющий условию искренности адресанта. К примеру, речевой акт обещание есть не что иное как искреннее намерение адресанта совершить определенное социальное действие. При таком подходе задача адресата заключается в расшифровке семантики речевого акта. Так или иначе очевидно, что теория речевых актов актуализирует индивидуальный речевой акт адресанта, между тем, как справедливо замечают критики этой теории, «если мы действительно хотим знать, что *делает* речь (выделено автором цитаты), то обязаны устремить нацеленный взгляд на реакцию слушателя и его ответные высказывания» [Найман. URL].

В зарубежной лингвистике к проблеме реплицирования обращаются представители конверсационного анализа, которые, критикуя теорию речевых актов, обращаются к исследованию смежных пар и затрагивают вопрос о появлении ответной реплики. Однако их решение вопроса связано с пониманием интеракционной природы диалога, в силу чего ответная реплика появляется как результат актуализации адресатом интерпретационного фрейма, позволяющего ему (адресату) подтвердить понимание инициальной реплики или осуществить сдвиг референта, наметив новый виток диалога. В сущности, конверсационисты актуализируют перлокутивную семантику речевого акта как компонента смежной пары – реальной единицы разговора (коммуникации).

Вводя термин «интенция реплицирования», мы хотели бы подчеркнуть, что реплицирование – это самостоятельный речемыслительный процесс, осуществляемый адресатом (отвечающим). В этом смысле понятие интенция шире, чем интенционал речевого акта в части его иллокутивной семантики. К примеру, реализация речевых актов вопроса, приказа,

требования и пр. проявляется чаще всего в ситуации актуализации интенции «ответить».

Например:

- Ты пойдешь в кино?
- А ты приглашаешь?

Или:

- Мам, можно мне завтра в кино?
- Нет, и попробуй только меня послушаться.

В приводимых примерах появление ответной реплики – не реализация иллокутивного вынуждения, а реализация адресатом интенции «ответить». В самом общем виде мы полагаем, что интенции реплицирования реализуются различным набором речевых актов.

Заключение. Завершая статью, отметим, что в ней актуализирована проблема реплицирования. Признание ответного характера речемыслительной деятельности предполагает рассмотрение вопроса о модели производства ответной реплики в диалоге и ее (реплики) детерминантах. Мы полагаем, что генезис ответной реплики в диалоге есть проявление интенций адресата (отвечающего), который принимает решение о вступлении в диалог или его продолжении. Такое видение реплицирования вступает в противоречие с существующими на сегодняшний день прагматической и конверсационной теорией реплицирования, ко-

торые, рассматривая диалогическое единство, оперируют либо понятиями иллокутивное вынуждение, либо культурным контекстом, в который вписан диалог.

Опираясь на коммуникативно значимый феномен молчания, мы полагаем, что ответная реплика актуализируется как самостоятельный креативный процесс, детерминированный интенциями реплицирования. В силу этого модель порождения ответной реплики мы представляем как последовательность этапов: мотивационно-прагматического, этапа реплицирования, внутреннего программирования, лексико-грамматического оформления и артикуляционного / графического этапов.

Нами выделены следующие интенции реплицирования: ответить, комментировать, поделиться, присоединение к разговору и молчание. Данные интенции реализуются стихийно, интуитивно, но могут быть реализованы осознанно как проявление метаязыкового мышления. Интенции реплицирования не тождественны речевому акту, речевые акты являются актуализаторами интенций реплицирования, которые реализует адресат.

В перспективе планируется выявление условий, актуализирующих интенции реплицирования.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 40–51.
- Ахутина, Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т. В. Ахутина. – М., 1989.
- Баранов, А. Н. Лексические показатели минимальных диалогов (элементы типологии) / А. Н. Баранов, Е. А. Иванова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 76–87.
- Баранов, А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.
- Бахтин, М. М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 1997.
- Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – М. : ЛКИ, 2007.
- Гастева, Н. Н. Особенности употребления релятивов согласия в разговорном диалоге (К вопросу о нормах в разговорной речи) / Н. Н. Гастева // Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 107–114.
- Зимняя, И. А. Лингвopsихология речевой деятельности: Избр. психол. труды / И. А. Зимняя. – М. : Воронеж, 2001.
- Кацнельсон, С. Д. Речемыслительные процессы / Н. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 3–12.
- Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. – Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001.
- Найман, Е. А. Теория речевых актов в критическом зеркале лингвистической антропологии и социолнгвистики / Е. А. Найман. – URL: [http://journals.tsu.ru/uploads/import/969/files/4\(32\)_053.pdf](http://journals.tsu.ru/uploads/import/969/files/4(32)_053.pdf) (дата обращения: 27.07.2021). – Текст : электронный.
- Падучева, Е. В. Прагматические аспекты связности диалога / Е. В. Падучева // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – М. : Наука, 1982. – Т. 41, № 4. – С. 305–313.
- Падучева, Е. В. О связности диалогического текста / Е. В. Падучева // Структура текста-81. Тезисы симпозиума / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. – М., 1981. – С. 20–22.

- Шпильная, Н. Н. Диалогическая лингвистика в России: история становления и современное состояние / Н. Н. Шпильная // Культура и текст. – 2021. – № 1. – С. 159–173.
- Шпильная, Н. Н. Диалогический текст. Деривационная концепция / Н. Н. Шпильная. – М.: ЛЕНАНД, 2018.
- Якобсон, Р. О. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами / Р. О. Якобсон // Новое в лингвистике. Вып. IV. – М., 1964.
- Якубинский, Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование / Л. П. Якубинский. – М., 1986. – С. 17–58.

References

- Akhutina, T. V. (1989). *Porozhdenie rechi. Neirolingvisticheskii analiz sintaksisa* [The Speech Production. The Neuro-Linguistic Analysis of Syntax]. Moscow.
- Arutyunova, N. D. (1992). Dialogicheskaya modal'nost' i yavlenie tsitatsii [Dialogic Modality and the Citation Phenomenon]. In *Chelovecheskii faktor v yazyke: Kommunikatsiya, modal'nost', deiksis*. Moscow, Nauka, pp. 40–51.
- Bakhtin, M. M. (1997). *Sobranie sochinenii. T. 5: Raboty 1940–1960 gg.* [Collected Works. Vol. 5: The Works of 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Baranov, A. N., Kreydlin, G. E. (1992). Illokutivnoe vyznuzhdenie v strukture dialoga [Illocutionary Compulsion in the Structure of a Dialogue]. In *Voprosy yazykoznanija*. No. 2, pp. 84–99.
- Baranov, A. N., Ivanova, E. A. (1999). Leksicheskie pokazateli minial'nykh dialogov (elementy tipologii) [Lexical Indicators of Mini-Dialogues (The Elements of Typology)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 9. Filologiya*. No. 1, pp. 76–87.
- Borisova, I. N. (2007). *Russkii razgovornyi dialog: Struktura i dinamika* [The Russian Conversational Dialogue: Structure and Dynamics]. Moscow, LKI.
- Gasteva, N. N. (1993). Osobennosti upotrebleniya relyativov soglasiya v razgovornom dialoge (K voprosu o normakh v razgovornoj rechi) [The Peculiarities of the Use of Relativs of Consent in the Conversational Dialogue (On the Question of Norms in Colloquial Speech)]. In *Voprosy stilistiki. Issue 25. Problemy kul'tury rechi*. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, pp. 107–114.
- Katsnel'son, S. D. (1984). Rechemyslitel'nye protsessy [The Verbal and Cognitive processes]. In *Voprosy yazykoznanija*. No. 4, pp. 3–12.
- Kolokol'tseva, T. N. (2001). *Spetsificheskie kommunikativnye edinitsy dialogicheskoi rechi* [Specific Communicative Units of the Dialogical Speech]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Nayman, E. A. (2015). *Teoriya rechevykh aktov v kriticheskom zerkale lingvisticheskoi antropologii i sotsiolingvistiki* [The Theory of Speech Acts in the Critical Mirror of the Linguistic Anthropology and the Sociolinguistics]. URL: [http://journals.tsu.ru/uploads/import/969/files/4\(32\)_053.pdf](http://journals.tsu.ru/uploads/import/969/files/4(32)_053.pdf) (mode of access: 27.07.2021).
- Paducheva, E. V. (1981). O svyaznosti dialogicheskogo teksta [On the Connectivity of a Dialogical Text]. In *Struktura teksta-81. Tezisy simpoziuma*. Moscow, pp. 20–22.
- Paducheva, E. V. (1982). Pragmaticheskie aspekty svyaznosti dialoga [The Pragmatic Aspects of the Connectedness of a Dialogue]. In *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Moscow, Nauka. Vol. 41. No. 4, pp. 305–313.
- Spil'naya, N. N. (2018). *Dialogicheskii tekst. Derivatsionnaya kontseptsiya* [The Dialogical Text. The Derivative Concept]. Moscow, LENAND.
- Spil'naya, N. N. (2021). Dialogicheskaya lingvistika v Rossii: istoriya stanovleniya i sovremennoe sostoyanie [Dialogic Linguistics in Russia: The History of Formation and the Current State]. In *Kul'tura i tekst*. No. 1, pp. 159–173.
- Yakobson, R. O. (1964). Razrabotka tselevoi modeli yazyka v evropeiskoi lingvistike v period mezhdvu dvumya voynami [Development of a Target Language Model in the European Linguistics in the Interbellum Period]. In *Novoe v lingvistike*. Issue IV. Moscow.
- Yakubinsky, L. P. (1986). *Izbrannye raboty: Yazyk i ego funktsionirovanie* [Selected Works: Language and Its Functioning]. Moscow, pp. 17–58.
- Zimnyaya, I. A. (2001). *Lingvopsikhologiya rechevoi deyatel'nosti: Izbr. psikhol. trudy* [Linguo-Psychology of Speech Activity: Selected Psychological Works]. Moscow, Voronezh.

Данные об авторе

Шпильная Надежда Николаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего и русского языкознания, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия).
Адрес: 656031, Россия, Барнаул, ул. Молодежная, 55.
E-mail: venata85@mail.ru.

Author's information

Spil'naya Nadezhda Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).